

Орлов А. П., *прот. профессор*. Памяти великого святителя.
II. Значение Митрополита Филарета в истории Московской
Духовной Академии // Богословский вестник 1918. Т. 1.
№ 1/2. С. 17–24 (1-я пагин.).

II.

Значеніе Митрополита Филарета въ исторіи Московской Духовной Академіи ¹⁾.

Еще только пять десятилѣтій минуло со дня кончины молитвенно воспоминаемаго нынѣ нами Святителя Филарета,—еще до сихъ поръ какъ въ средѣ духовенства Московской Церкви имѣются лица, получившія благодать священства отъ его рукоположенія, такъ и на другихъ поприщахъ церковно-общественной дѣятельности еще есть живые свидѣтели его архипастырскихъ трудовъ. Но какъ сильно измѣнилась за эти десятилѣтія вся русская общественная жизнь! Сколько новыхъ социальнo-культурныхъ взглядовъ, отношеній, формъ, или неслыханныхъ въ эпоху Филарета, или считавшихся въ его время недопустимымъ потрясеніемъ основъ общественнаго порядка, завоевали себѣ право гражданства въ нашей жизни, вошли уже въ плоть и кровь нашего культурно-общественнаго сознанія и бытія! Какая рѣзкая грань легла между нашимъ временемъ и филаретовской эпохой, которая, въ бурной смѣнѣ политическихъ событій, особенно послѣднихъ двухъ десятилѣтій, выступаетъ предъ нами уже какъ будто окутанная дымкой какой то давней старины, какъ будто отошла далеко въ глубь исторіи. Было бы очевидной неправдой утверждать, что наша Академія оказалась незатронутой тѣми вліяніями, которыя опредѣлили собою общій характеръ социальнo-культурной жизни нашего времени,—что она вполне сохранила тотъ же укладъ и то же направленіе своей жизни, какія существовали въ ней

¹⁾ Рѣчь произнесенная въ публичномъ собраніи Совѣта Академіи 18 ноября 1917 года.

въ эпоху митрополита Филарета. Не отрицая, что минувшіе полвѣка русской общественной жизни, ознаменовавшіеся коренными реформами почти во всѣхъ ея сферахъ, не прошли безслѣдно и въ судьбахъ нашей школы, которая, чтобы не утратить своего вліянія на современное общество, чтобы не оказаться мертвой архаической величиной среди нарождающейся новой жизни, и не могла и не должна была оставаться глухой къ запросамъ современности,—въ значительной степени сознательно или бессознательно отошла отъ филаретовской Академіи и въ своей организаціи, и въ методахъ научнаго изслѣдованія, и въ реальномъ содержаніи своихъ взглядовъ по тѣмъ или другимъ научнымъ вопросамъ,—не отрицая всего этого, мы тѣмъ не менѣе, не обинуясь, можемъ утверждать, что память о митрополитѣ Филаретѣ навсегда останется священной въ историческомъ сознаніи Московской Духовной Академіи.

Съ именемъ приснопамятнаго іерарха неразрывно связано, прежде всего, самое основаніе нашей школы въ 1814 году, поскольку онъ, будучи однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей тогдашней Комиссіи духовныхъ училищъ, принималъ ближайшее участіе въ организаціи Московской Академіи, и въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ ея существованія трижды, по порученію Св. Синода, былъ ея ревизоромъ, внимательно слѣдившимъ за успѣхами и надлежащимъ направленіемъ новооткрытой высшей духовной школы. Не далѣе, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ наша Академія, на своемъ годичномъ праздникѣ, въ актовомъ рѣчи проф. М. М. Богословскаго, имѣла случай отмѣтить, какое благотворное значеніе въ судьбахъ ея имѣло то обстоятельство, что авторами ея перваго устава и ея устроителями (въ ихъ числѣ и будущій митрополитъ Филаретъ) были лица, которыя, обладая свѣтлымъ умомъ, и широкимъ научнымъ кругозоромъ, и твердою преданностію Православной Церкви, сумѣли охранить Академію и отъ господствовавшаго въ ту эпоху въ русскомъ Обществѣ ложнаго мистицизма и отъ фарисействующей лженауки, хотѣвшей во имя ложной религіозной ревности почти всѣ свѣтскія научныя дисциплины искусственно и насильственно подчинить религіозному принципу.

Вступивъ въ 1821 г. на кафедру Московскихъ первосвященителей, м. Филаретъ всталъ къ ней въ еще болѣе близкія

отношенія, какъ непосредственный ея начальникъ. Установившаяся на этой почвѣ самая тѣсная связь м. Филарета съ Московской Академіей, и продолжавшаяся въ теченіе 46 лѣтъ, обусловила, по выраженію историка нашей школы, С. К. Смирнова „поразительное явленіе въ ея исторіи: состоя въ продолженіе почти цѣлаго полулѣтѣя подъ водительствомъ одного вождя“, она въ теченіе всего этого періода сохраняетъ удивительное „единство духа и направленія образованія“¹⁾,—является академіей филаретовскою, въ исключительномъ значеніи этого слова—на всѣхъ сторонахъ своей жизни носитъ яркое отображеніе его научно-богословскаго и административнаго генія.

Не составляетъ секрета, что въ русской исторической наукѣ и публицистикѣ не разъ раздавались голоса,—и при томъ голоса достаточно авторитетные (какъ, напр., знаменитаго московскаго историка С. М. Соловьева), подчеркивавшіе отрицательное вліяніе этой исключительной начальственной близости м. Филарета къ Московской Академіи на ея жизнь,—отмѣчавшіе слишкомъ властное, иногда почти деспотическое, отношеніе его къ ея профессорской коллегіи, излишне-строгую, иногда мелочно-придирчивую цензуру ихъ преподавательскихъ и научно-печатныхъ трудовъ, стѣснявшую свободу ихъ научнаго творчества, невыгодно отражавшуюся на ихъ ученой продуктивности. И нельзя сказать, что такія сужденія являются совершенно—безпочвенными: не говоря о достаточномъ количествѣ данныхъ въ ихъ пользу, имѣющихся на страницахъ упоминавшейся уже мною „Исторіи Московской Духовной Академіи“ С. К. Смирнова, и изъ опубликованныхъ уже въ печати и изъ устныхъ преданій о жизни Академіи въ филаретовскую эпоху, извѣстно, какъ тяжела иногда казалась ея дѣятелямъ властная опека знаменитаго іерарха. Да не покажутся эти мои слова неуваженіемъ къ памяти великаго святителя, въ особенности неумѣстнымъ въ настоящій день ея нарочитаго чествованія. Образъ м. Филарета такъ великъ, высокія качества его духа такъ ярки и безспорны, что онъ не нуждается въ какой либо искусственной идеализаціи, въ дипло-

¹⁾ Исторія М. Д. Академіи до ея преобразованія (1814—1870). М. 1879 г. 10—11 стр.

матическомъ замалчиваніи его исторической правды, въ какой либо иконописной стилизаціи. Тѣ же самыя документально-историческіе источники, которые передаютъ намъ извѣстія о тяжелыхъ пороѣ формахъ филаретовскаго режима, съ несравненно-большей силой и яркостью свидѣтельству-ютъ, что м. Филаретъ отнюдь не былъ дезорганизующимъ началомъ въ современной ему Академіи, что, будучи ея мощнымъ вождемъ, онъ велъ ее не къ смерти, а къ славѣ.

Уже не разъ упоминавшійся мною историкъ нашей Академіи, С. К. Смирновъ, посвятившій свой трудъ „памяти великаго святителя Филарета“, и тѣмъ не менѣе, во имя исторической объективности, не нашедшій возможнымъ обойти молчаніемъ „многіе опыты крайней строгости его въ ученыхъ и административныхъ отношеніяхъ къ Академіи, считаетъ долгомъ и разъяснить исходный пунктъ такихъ его отношеній“ (262 стр.), развивая рядъ мыслей, имѣющихъ для насъ цѣнность, въ качествѣ показателя, какъ воспринимались черты филаретовскаго управленія Академіей тѣми ея дѣятелями, которые были непосредственными его свидѣтелями. Историкъ рѣшительно протестуетъ противъ тѣхъ, которые хотѣли бы видѣть „въ рѣзкихъ, крутыхъ распоряженіяхъ“ Филарета „проявленія безотчетнаго самолюбія“, не усматривая за ними „доброй, нравственной цѣли“. Для С. К. Смирнова „строгость м. Филарета къ другимъ легко объясняется, съ одной стороны, крайней его строгостію къ себѣ, никогда не позволявшей ему отступать отъ требованій церковныхъ и гражданскихъ“, и располагавшей его „требовать того же и отъ подчиненныхъ“ (ib.), а съ другой стороны, опредѣленно выраженной воспитательной цѣли: предъявляя чрезвычайно-строгія требованія ко всѣмъ вообще лицамъ, поступавшимъ на академическую службу, а особенно къ тѣмъ, которые или отличались особенными дарованіями, или занимали въ ней наиболѣе видное положеніе, м. Филаретъ имѣлъ въ виду благо своей Академіи, желая, чтобы ея члены даже въ мелочахъ своей службы стояли на высотѣ своего положенія, какъ онъ и опредѣленно высказался въ одномъ изъ своихъ писемъ къ ректору Академіи архимандриту Филарету (Гумилевскому): „берегите достоинство мѣста, которому принадлежите“ (ib. 264 стр.). Оцѣнивая съ такой моральной точки зрѣнія строгія отношенія м. Филарета къ Академіи, и пови-

нужься, поэтому его нерѣдко суровой власти не только за гнѣвъ, но и за совѣсть, академическая корпорація филаретовской школы съ тѣмъ большею готовностію шла ей навстрѣчу, что искренно и глубоко признавала недосыгаемо-высокій нравственный и ученый авторитетъ своего вождя. Безукоризненно чистая личная строгая подвижническая жизнь, высокая духовная и жизненно-практическая мудрость, сильный, тонкій и ясный умъ, глубокая и разносторонняя ученость, обнимавшая всѣ науки академическаго цикла, изумительная умственная энергія, до глубокой старости не устававшая, по выраженію А. В. Горскаго, „неусыпнымъ взоромъ слѣдить за всѣми движеніями въ области высшаго ученія“ (Прав. Обзор. 1867 г., сент., 12 стр.), необыкновенная красота и сила слова проповѣдническаго, научнаго и даже обыденнаго: эти свойства м. Филарета дѣлали его истиннымъ вождемъ Академіи: „по силѣ своего многообъемлющаго разумѣнія (скажемъ словами С. К. Смирнова) онъ высоко стоялъ надъ умами цѣлаго ученаго общества, которое представляло ему свои труды не столько по требованію оффиціальности, сколько по глубокому сознанію безспорной силы его ученаго суда“ (цит. соч. 120).

Сурова была школа, какую проходила наша Академія въ филаретовскую эпоху; больше преценій, чѣмъ одобреній и похвалъ получали отъ своего строгаго начальника даже наилучшіе ея работники. Но основанная на отмѣченныхъ мною сейчасъ моральныхъ началахъ, эта школа и создала академическую корпорацію въ единый организмъ, тѣсными нравственными узами связанный съ его московскимъ главой. Съ какими чувствами искренняго преклоненія передъ духовной мощью Филарета отзываются о немъ дѣятели его Академіи даже въ своей интимной перепискѣ, какъ глубоко скорбѣли они объ его смерти, какъ чувствовали они себя тогда духовно-осиротѣлыми, какое высокое значеніе они придавали его личной дѣятельности въ процвѣтаніи нашей школы! „Все, что возрасло благого, что зрѣло и явилось плодоноснымъ въ вертоградѣ нашемъ, все росло, зрѣло и приносило плодъ подъ твоимъ мудрымъ надзоромъ и попеченіемъ... Ты даешь немощному силу, благому преслѣпаніе“ (Прав. Обзор. 1867, IX, 12 стр.): въ этихъ словахъ А. В. Горскаго, обращенныхъ къ м. Филарету незадолго до его кончины, мы имѣемъ пол-

ное основаніе видѣтъ не просто официально-юбилейную любезность, но искреннее убѣжденіе этого лучшаго питомца филаретовской Академіи.

Но пусть,— скажутъ,— филаретовская Академія и представляла собою нравственно-связанную со своимъ московскимъ вождемъ организацію; пусть необычайная духовная сила Филарета производила такое неотразимое обаяніе на его академическихъ сотрудниковъ, что въ атмосферѣ этого обаянія даже суровые приемы филаретовскаго управленія Академіей утрачивали свою остроту, но развѣ властная опека м. Филарета, съ его рѣзко-выраженнымъ охранительнымъ направленіемъ въ области научно-богословской мысли, не парализовала силъ Академіи? Развѣ тѣ мощные таланты, которыми располагала Академія въ ту пору своей жизни, не завяли до извѣстной степени подъ этой опекой, не развиль тѣхъ возможностей, какія въ нихъ были заложены? Развѣ не съ большимъ успѣхомъ Академія осуществила бы свою ученую миссію, если бы не висѣла надъ ней въ теченіе полувѣка властная рука м. Филарета? Думается, что и на эти вопросы нужно дать въ огромной степени отвѣтъ отрицательный. Не говоря уже о томъ, что представленіе о м. Филаретѣ, какъ гонителѣ научной мысли, стѣснявшемъ ея нормальное развитіе въ Академіи, нуждается въ значительныхъ оговоркахъ,—когда говорятъ объ отсутствіи въ филаретовской Академіи благоприятныхъ условій для свободнаго развитія богословской науки, не возлагаютъ ли слишкомъ много и поэтому слишкомъ несправедливо отвѣтственности на личность м. Филарета, опускаая изъ виду общій духъ той эпохи, суровой николаевской эпохи, на которую падаетъ большая часть его архипастырскаго служенія въ Москвѣ? Равнымъ образомъ, когда хотятъ предъявлять къ филаретовской Академіи требованія большей свободы мысли, хотятъ видѣтъ въ трудахъ ея дѣятелей большаго размаха научной критики, и отсутствіе ея относить по преимуществу на счетъ тогдашнихъ неблагоприятныхъ начальственно-цензурныхъ условій, не грѣшатъ ли сознательно или бессознательно противъ законовъ исторической перспективы, предъявляя къ дѣятелямъ этой эпохи требованія, которыя можетъ быть, являлись для нихъ органически-непріемлемыми, именно въ силу ихъ принадлежности къ данной эпохѣ, съ ея опредѣленными науч-

ными вкусами и запросами? Конечной цѣлью всякой школы является служеніе истинѣ, но, будучи необходимымъ продуктомъ своего времени, всякая школа, не утрачивая своихъ вѣчныхъ цѣнностей, не только необходимо осуществляет свои ближайшія задачи въ историческихъ условіяхъ своей эпохи, но до нѣкоторой степени и должна для успѣшнѣйшаго ихъ осуществленія итти въ уровень со своимъ вѣкомъ, въ согласіи съ духовно-культурными запросами окружающей исторической среды. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, и въ своей исторической перспективѣ, филаретовская Академія, руководимая своимъ великимъ вождемъ, безспорно стояла на высотѣ своего историческаго призванія. Вѣдь что бы ни говорили о Филаретѣ и сложившейся подъ его ближайшимъ вліяніемъ Московской „филаретовской“ Академіи,—то неоспоримый фактъ, что подъ его водительствомъ она взростила стаю славныхъ филаретовскихъ орловъ, которыми вправѣ гордиться русская наука, и достигла исключительно-высокаго авторитета. Произведенія ея профессоровъ, прошедшія въ той или иной степеніи черезъ горнило филаретовской цензуры получали въ современномъ церковномъ и даже свѣтскомъ обществѣ особенный вѣсъ, и имя Московской Академіи, какъ филаретовской Академіи, приобрѣло особую славу, отзвуки которой живы еще и до настоящаго времени.

Въ нынѣшній день исполнившагося 50-лѣтія со дня блаженной кончины приснопамятнаго м. Филарета, Московская Духовная Академія, признательная ему за его неусыпные „труды, за славу, за добро“, какими она въ теченіе почти полувѣка пользовалась отъ него, прежде всего, молитвенно повторяетъ слова, начертанныя на его гробницѣ: „Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ“! Перечитывая тѣ надгробныя рѣчи, какія въ эти дни 50 лѣтъ тому назадъ произносились у гроба почившаго іерарха, нельзя не замѣтить одной характерной черты: почти всѣ духовные ораторы, въ числѣ которыхъ было нѣсколько представителей и Московской Академіи, отдавая дань глубокаго почитанія, любви и преклоненія предъ духовной высотой почившаго, обращались къ усопшему и съ просьбой объ его молитвенномъ ходатайствѣ предъ Престоломъ Божиимъ за Московскую Церковь, ея учрежденія, за всю Россію, въ твер-

домъ упованіи, что *много можетъ молитва праведнаго поспѣше-
ствуема*. (Іак. 5, 16). Академія, раздѣляя эту „вѣру своихъ от-
цовъ“ въ благодатную дѣйственность молитвъ Святителя, осо-
бенно потребныхъ въ настоящій моментъ переживаемой нами
государственной разрухи, когда въ зависимости отъ нея тре-
вожнымъ мракомъ неизвѣстности окутаны ближайшія судьбы
и нашей школы, — къ приведеннымъ мною словамъ надгробія
Святителя присоединяетъ и другія, начертанныя тамъ же:
„Молитвами Святителя Филарета, Господи Іисусе Христе
Боже нашъ, помилуй насъ“!

Протоіерей А. Орловъ.
